

«Переезд» на Дальний Восток – возможность качественного роста для Забайкалья?

И.А. ДЕЦ, кандидат географических наук, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск. E-mail: igordets@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции социально-экономического развития Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края за последнее десятилетие, в частности, анализируются изменение показателя инвестиций в основной капитал и ключевые крупные инвестиционные проекты. Обсуждаются выделение финансирования и подготовка к запуску важнейших для экономики Забайкальского края Удоканского и Быстринского горно-обогатительных комбинатов, а также возможные социально-экономические эффекты функционирования данных предприятий и других объектов, введённых в строй в последние годы. Делается вывод, что упомянутые крупные инвестпроекты не имеют средоформирующей функции для экономики регионов, а также слабо влияют на повышение качества жизни местного населения и миграционные потоки, направленные в настоящее время в сторону региональных центров и крупнейших городов страны.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал; крупные инвестиционные проекты; социально-экономический рост; сокращение численности населения; Байкальский регион; Забайкалье; Иркутская область; Республика Бурятия; Забайкальский край

Перевод Забайкалья в составе Республики Бурятия и Забайкальского края из Сибирского федерального округа в состав Дальневосточного (осень 2018 г.) некоторым наблюдателям мог показаться событием неожиданным. Однако первая из постсоветских федеральная целевая программа, касающаяся социально-экономического развития восточных территорий (1996 г.), охватывала этот макрорегион вместе с Дальним Востоком, то есть фактически данное объединение возникло на несколько лет раньше системы федеральных округов (2000 г.). Упомянутая Программа просуществовала в одном и том же территориальном формате до 2012 г. (пережив несколько изменений и дополнений), когда зона её действия была расширена за счёт Иркутской области, формирующей вместе с Бурятией и бывшей Читинской областью Байкальский регион. Это решение было обусловлено в том числе необходимостью реконструкции единой для макрорегиона инфраструктуры

(Транссиб, БАМ и др.), а также общим отставанием Иркутской области по темпам социально-экономического развития от западных регионов Сибири.

Стоит отметить, что невысокие показатели инвестиций в основной капитал стали одной из главных характеристик экономического развития Байкальского региона в постсоветский период. По абсолютному показателю инвестиций в 2005 г. Иркутская область находилась на 5-м месте (из 12) в Сибирском федеральном округе, Забайкальский край – на 8-м, Бурятия – на 10-м. В целом на округ приходилось 9,58% от российских инвестиций в основной капитал, при этом Иркутская область обеспечивала 10,6% от этого объема, а Бурятия и Забайкальский край – 2,8% и 5,0% соответственно (т.е. суммарно – 18,4% при доле в населении – 23,5%, в территории – 26,3%)¹.

Ряд крупных проектов, реализованных в Иркутской области после 2005 г., способствовал значительному изменению показателей инвестиций в основной капитал. В 2017 г. доля СФО в общероссийских инвестициях оставалась фактически прежней – 9,53%, но распределение между регионами сильно изменилось: Иркутская область получила 16,9% от всех сибирских капвложений и заняла по данному показателю уже 2-е место (после Красноярского края). Несколько улучшили свои позиции и Забайкальский край (7-е место), и Республика Бурятия (9-е), хотя их доли от общих инвестиций СФО изменились не так заметно: до 6,0% и 2,7% соответственно (весь Байкальский регион – 25,6%, при сократившейся доле в населении СФО – 23,1%).

Рост абсолютных цифр повлиял и на изменение подушевых показателей инвестиций в основной капитал. Если в 2005 г. в Иркутской области уровень удельных капвложений достигал только 58,1% от среднероссийского (в Забайкальском крае и Бурятии соответственно – 61,3%, 39,4%), то в 2017 г. эти показатели составили уже 98,2% для Иркутской области, 78,0% – для Забайкальского края и 38,8% – для Бурятии.

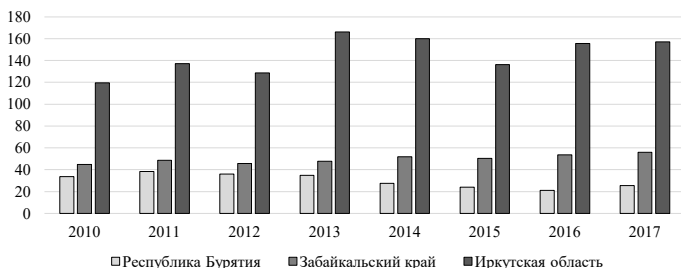
Однако обусловленный этими инвестициями экономический рост сложно назвать качественным, не только в соответствии

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат – Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 12.03.2019).

с критериями современной «зелёной» экономики или концепции устойчивого развития [Захарова, 2015; Пахомова и др., 2013; Черешнев и др., 2014], но и с точки зрения соответствия упрощённым формам самоподдерживающегося или эндогенного роста [Кормишкина, 2013; Матюшок, Балашова, 2010].

Значительный рост инвестиций в Иркутской области оказался обеспечен главным образом развитием нефтедобычи на севере региона. Строительство первой очереди нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО, завершение работ, обеспечивающих увеличение его прокачиваемых мощностей до 80 млн т нефти в год, планируется на конец 2019 г.) позволило начать разработку ряда месторождений, крупнейшее из которых – Верхнечонское – в 2015 г. вышло на пик ежегодной добычи (8 млн т нефти в год). При условии стабильного финансирования геологоразведки в ближайшие годы возможно вовлечение в оборот еще некоторого количества небольших месторождений, однако в перспективе главную поддержку росту капиталовложений в регион может дать только освоение газовых ресурсов Ковыктинского месторождения, возможность полноценной эксплуатации которого обеспечит строительство магистрального газопровода «Сила Сибири».

В целом действовавшая ФЦП социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона смогла сделать не очень много для сближения траекторий экономик трёх регионов: в отсутствие крупных ресурсных инвестпроектов в Республике Бурятия положительной динамики не наблюдалось (рисунок).

Источник: рассчитано по данным Росстата. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 12.03.2019).

Инвестиции в основной капитал в Байкальском регионе
в 2010–2017 гг., млрд руб. (в ценах 2010 г.)

Сложная судьба проектов

В действительности сложно ожидать кардинальных экономических преобразований в социально-экономическом развитии регионов от федеральной программы, вобравшей в себя фактически все возможные инвестиционные проекты (в подавляющем большинстве касающиеся развития минерально-сырьевого комплекса) и по-настоящему не гарантировавшей федерального финансирования даже для самой необходимой инфраструктуры. Если на модернизацию и реконструкцию БАМа и Транссиба в 2015 г. было решено привлечь средства из Фонда национального благосостояния (отказавшись от его исключительно резервной функции), то лимиты финансирования, первоначально запланированные на строительство моста через р. Лену в Якутске, были перераспределены в пользу федеральной программы развития Крыма и Севастополя. Другой пример – периодически возникающие (и затухающие) планы по строительству моста или тоннеля на о. Сахалин, которые обсуждаются не только в категориях экономической целесообразности проекта, но и в контексте необходимости занять чем-то крупных подрядчиков, заканчивающих работы на Крымском мосту [Адамчук, Белоглазова, 2017].

Стратегическое планирование и точный расчёт вряд ли можно назвать прочной опорой при определении приоритетов государственных капиталовложений в строительство инфраструктуры, если окончательные решения о целесообразности сроков, направлений и маршрутов могут быть приняты только первым лицом государства. Именно так это происходило с проектом нефтепровода «ВСТО» более 10 лет назад и происходит сейчас с выбором трассы очередной высокоскоростной железнодорожной магистрали (из Москвы в Казань или Санкт-Петербург).

Принципиальное одобрение инвестиционного проекта на уровне правительства не становится гарантией его реализации. История строительства железной дороги Элегест – Кызыл – Курагино, необходимой для освоения угольных месторождений Тувы, длится уже почти пятнадцать лет и включает концессионные соглашения, предложения Минобороны задействовать железнодорожные войска и последнее соглашение с РЖД на кредит в 126,6 млрд руб., предполагающее сооружение однопутной дороги длиной 410 км до 2023 г.

Непросто складывается и судьба главных инвестпроектов последних десятилетий Забайкальского края: Быстринского и Удоканского ГОКов. При этом «Норникель» завершает выход на полную мощность Быстринского ГОКа после 14 лет подготовительных работ: геологоразведки, строительства 3-го блока Харанорской ГРЭС, ЛЭП 220 кВ и железнодорожной линии Борзя – Газимурский Завод (224 км). Государственная поддержка проекту осуществлялась ещё в рамках Инвестиционного фонда РФ (2006–2017 гг.), который был упразднён в связи с неэффективностью².

Удоканское месторождение меди – крупнейшее в стране – расположено в ещё более суровых климатических условиях на севере Забайкальского края. В настоящий момент государство в лице Внешэкономбанка приняло решение профинансировать первый этап проекта на сумму 118 млрд руб. (синдицированный кредит «ВЭБа», Сбербанка и Газпромбанка). Возможно, это позволит продвинуться в реализации проекта дальше, чем обещанная еще 10 лет назад поддержка госкорпорации «Ростех» или так и не утверждённое финансирование от того же «ВЭБа» (2015 г.). Тем более что в этот раз государство способствует проекту не только льготными кредитными средствами: начато возведение ЛЭП 220 кВ Тында – Чара, подготовлен проект реконструкции аэропорта Чара, РЖД планирует реконструкцию железнодорожной станции Новая Чара.

В качестве готовой продукции Удоканского ГОКа предполагается выпуск катодной меди и сульфидного концентрата, главным образом предназначенных для отправки за рубеж. И хотя рафинированная медь формально относится к категории «несырьевого» экспорта, вполне очевидно, что реализация данного проекта (так же, как и строительство Быстринского ГОКа, разработка углей Тувы или нефтяных месторождений севера Иркутской области) органично впишется в картину ориентированной на сырьевой экспорт экономики России. Вероятность формирования смежных и сопутствующих производств на территории регионов добычи (как и на остальной территории страны) крайне мала, так что будущий рост инвестиций в Забайкалье оказывается

² Путин упразднил Инвестфонд России // РБК. 19.07.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/596f8ea79a7947449f00089d> (дата обращения: 02.04.2019).

напрямую связан с функционированием добывающего предприятия: по мере истощения запасов территория потеряет все экономические перспективы.

Инфраструктура для проектов, людей и бизнеса

Может ли создаваемая инфраструктура стимулировать не связанный напрямую с основным инвестиционным проектом экономический рост, т.е. имеет ли она средоформирующую функцию? В случае, когда к ней обеспечен открытый доступ для всех заинтересованных пользователей, такой позитивный эффект можно предположить. Однако в российской практике создаваемая (в том числе – за государственный счет) инфраструктура в большинстве случаев заведомо не предполагает свободного доступа (в том числе для местных жителей). Так, построенная в рамках проекта по освоению Быстринского ГОКа Газимуро-Заводская железная дорога при организации по ней пассажирского движения могла бы значительно улучшить транспортную доступность территории (особенно – учитывая, мягко говоря, невысокое качество имеющегося автодорожного сообщения), но этого не происходит. А жители населённых пунктов вдоль нефтепровода «ВСТО» могут пользоваться лишь ограниченным правом проезда по технологической трассе (на технике с определёнными характеристиками, по заявлению, причем, для транспорта коммерческих организаций проезд платный)³. И все же это позволяет иметь хоть какую-то альтернативу дорогостоящему авиасообщению.

Значительно бóльшую средоформирующую функцию выполняет строительство общедоступной инфраструктуры. Среди наиболее заметных примеров подобных проектов в Байкальском регионе стали строительство автодороги «Амур» (Чита – Хабаровск) и подготовка инфраструктуры (включая автодорогу) для особой экономической зоны (далее – ОЭЗ) туристско-рекреационного типа «Байкальская Гавань». С 2008 по 2018 гг. на последний проект было потрачено почти 5 млрд руб., за эти средства удалось, в числе прочего, полностью обновить автодорогу от Улан-Удэ. Нет никаких сомнений, что качественное автодорожное

³ Вдольтрассовый проезд. ООО «Транснефть – Восток». URL: <https://vostok.transneft.ru/roads/> (дата обращения: 20.04.2019).

сообщение имеет огромную важность для местных жителей, как в случае с федеральной трассой «Амур», так и в случае связи районов с республиканским центром. Однако в обоих примерах улучшение транспортной доступности не вызвало всплеска инвестиционной активности и не остановило отток населения.

Своеобразным исключением стал пересекаемый трассой «Амур» Могочинский район Забайкальского края, в котором почти 10 лет спустя после завершения автодорожных работ интенсифицировалось развитие золотодобычи (месторождение Ключевское). Но вряд ли этим могочинцы обязаны новой магистральной. Инвестор из Китая, вполне возможно, предпочёл бы сооружению автодороги «Амур» строительство прямого пути в КНР, куда и предполагается направлять добываемый здесь драгоценный металл. Именно такой короткий путь как раз готовится к запуску в эксплуатацию в настоящее время в Еврейской автономной области: достраиваемый железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян через реку Амур обеспечит кратчайший маршрут для круглогодичного экспорта в Китай железорудного концентрата с Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината, а также угля и других товаров.

Освоение и новое качество жизни

В свое время строительство инфраструктуры (Транссиба) привело к массовому переселению на Восток России и обусловило интенсификацию освоения территории. Возможно ли повторить этот опыт в нынешних условиях? Если под этим подразумевать главным образом увеличение заселённости, то, вероятно, важнейшим условием для такого развития событий должна быть определённая стадия развития общества (демографическая, социальная и экономическая). Полтора века назад в Сибирь стали переселяться в основном крестьяне, готовые заниматься сельскохозяйственным освоением новых земель.

Но перенаправление миграционных потоков в города и масштабный процесс урбанизации привели к значительному росту городского населения ещё в XX веке. В настоящее время этот рост охватывает лишь малую часть крупных городов в стране, притягивающих наиболее экономически активное население. Последнее, как показывает практика раздачи «дальневосточного гектара», не стремится массово покидать агломерации

с развитым рынком труда, разнообразными возможностями для предпринимательства, качественной инфраструктурой и социальной средой. Для отдалённых от крупных городов территорий Сибири и Дальнего Востока это означает практически неминуемое сокращение численности населения, приостановить которое созданием социальной и транспортной инфраструктуры не представляется возможным.

Реализация проекта ОЭЗ «Байкальская Гавань», пытающегося привлечь инвесторов на созданную государством современную инфраструктуру налоговыми льготами и прочими преференциями, до настоящего времени не показала своей эффективности: за время существования турзоны частные резиденты не построили ни одного объекта. Но даже когда (если) проект будет запущен, очень не просто представить ситуацию активного вовлечения в его развитие местного населения и предпринимателей [Воробьевская и др., 2015].

Возможно, реализация инвестиционных проектов сама по себе способствует формированию ареалов с более высоким качеством жизни для местного населения? Большинство компаний-инвесторов регулярно заявляют и отчитываются об участии в финансировании социальных объектов и создании новых рабочих мест для местного населения [Матюгина и др., 2017]. Однако масштабы большинства реализуемых ресурсных проектов таковы, что число создаваемых рабочих мест значительно превышает имеющиеся трудовые ресурсы территорий (которые к тому же, как правило, не обладают нужными навыками и квалификацией), а привлечение сотрудников для постоянного проживания на территории реализации проекта практически всегда признаётся нецелесообразным [Ефременко, 2019].

И на севере Иркутской области, и на юго-востоке Забайкальского края добывающие компании предпочли вахтовый метод организации труда, дополняя свою инвестиционную программу поддержкой местных социальных учреждений, школ, спортивных объектов и т.д. В результате местное население в отсутствие реальной перспективы трудоустройства все так же покидает территории, не обращая особенного внимания на улучшение оснащённости амбулаторий или сельских домов культуры, а вахтовые работники в большинстве случаев живут изолированно и тратят свои заработки в основном в местах

постоянного проживания. При этом само государство не способствует повышению качества базовых социальных образовательных и медицинских услуг для местного населения [Глазырина, Фалейчик, 2019].

На примере Бодайбинского района Иркутской области с давно эксплуатируемыми месторождениями золота мы видим, что даже после десятилетий ресурсопромышленного «освоения» территория в целом не являет собой образец качественного обустройства среды и формирования благоприятных условий для жизни. Как следствие этого – продолжающееся снижение численности постоянного населения (на 26,4% только за 2008–2018 гг.) [Чернев, Дашпилов, 2015].

Из всех реализуемых и планируемых крупных инвестпроектов в Байкальском регионе только строительство Тайшетского алюминиевого завода предполагает возведение 150 тыс. м² жилья и организацию около 3 тыс. рабочих мест. Это могло бы стать одним из немногих примеров реального влияния реализации инвестиционного проекта на социально-экономическое развитие территории. Однако к настоящему моменту строительные работы идут уже более 12 лет и постоянно задерживаются по разным причинам, в том числе инвестор периодически объявляет о своем намерении полностью отказаться от участия в проекте. Таким образом, говорить о возможности и необходимости тиражирования данного опыта весьма трудно.

Заключение

Бурятия и Забайкальский край долгие годы имели невысокие показатели инвестиций в основной капитал, а наметившийся рост экономической активности в Байкальском регионе во многом обязан развивающейся нефтедобывающей отрасли в Иркутской области. Тем не менее главные проекты по освоению ресурсов Забайкальского края – Быстринский и Удоканский ГОКи – всё же постепенно начинают воплощаться в жизнь. Однако здесь существует вероятность повторения сценария Иркутской области, где интенсивное развитие нефтедобычи в последние годы никак не повлияло на негативные миграционные тенденции в районах её промысла, да и в регионе в целом.

Государственная поддержка строительства и реконструкции инфраструктуры также не доказала своей эффективности в части

создания условий для поддержания территориального развития: данного стимула для создания дополнительных сопутствующих и самостоятельных производств и предприятий оказывается недостаточно, влияние на улучшение качества жизни местного населения оказывается минимальным. Не позволяет рассчитывать на позитивный эффект для развития местных сообществ в отдалённых от региональных центров территориях и практически повсеместное применение вахтового метода работы на создаваемых в рамках крупнейших инвестиционных проектов объектах.

Вполне очевидно, что реализация всех перспективных инвестиционных проектов в Забайкальском крае и Бурятии при возможных позитивных последствиях для федерального и отчасти региональных бюджетов очень слабо скажется на занятости и заработках местного населения [Баранов и др., 2018; Глазырина и др., 2018]. Следовательно, жители отдалённых территорий в поисках рабочих мест и в целом более высокого уровня жизни продолжают переселяться в Читу, Улан-Удэ и их пригородные районы либо в более западные регионы России [Безруков, 2019; Воробьёв и др., 2016; Шворина, 2018].

При этом сами Чита и Улан-Удэ, несмотря на присоединение к Дальневосточному федеральному округу, вряд ли смогут стать притягательнее для мигрантов из более восточных российских регионов. Тем более, если сохранится приоритет финансирования развития Владивостока, особенно отчётливый в распределении федеральных средств по ФЦП развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г. [Syssoeva, Dets, 2011]. В таком случае перемещение двух регионов из состава Сибирского округа в Дальневосточный может отразиться в большей мере на укрупненных статистических показателях, чем на реальных показателях развития данных регионов.

Тем не менее значительные изменения может принести ожидаемое принятие очередной, теперь уже Национальной программы развития ДФО, в которой особое место будет уделено демографической составляющей, а также статусу дальневосточника (экономические преференции обладателю которого ещё обсуждаются). Отдельным вопросом при этом является не только вероятность введения действительно масштабных мер поддержки социально-экономического развития Дальнего Востока, способных обеспечить качественный экономический

рост для территории, но и наличие финансовых возможностей для обеспечения таких мер, чтобы, как в случае с формально существующей круглогодичной субсидией на авиаперелёты, прежние и новые дальневосточники не сталкивались с постоянным исчерпанием запланированных лимитов государственного финансирования.

Литература

Адамчук О., Белоглазова Д. Мост на Сахалин станет стройкой следующего десятилетия [Эл. ресурс]. Ведомости. 2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/09/08/732910-most-sahalin> (дата обращения: 25.03.2019).

Баранов А. О., Дондоков З. Б.-Д., Павлов В. Н., Суслов В. И. Перспективы развития экономики Республики Бурятия // ЭКО. 2018. Т. 10. № 532. С. 77–96. doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-10-77-96>.

Безруков Л. А. Территориальная структура хозяйства и населения Байкальского региона: особенности, тенденции, перспективы // ЭКО. 2019. № 5. С. 8–26. doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26](http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26).

Воробьев Н. В., Заборцева Т. И., Леценко Я. А., Валева О. В. Социально-экономические особенности формирования качества жизни в Байкальском регионе // География и природные ресурсы. 2016. № S6. С. 108–112. doi: [10.21782/GIPR0206-1619-2016-6\(108-112\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2016-6(108-112)).

Воробьевская Е. Л., Марголина И. Л., Седова Н. Б. Проблемы и перспективы развития Прибайкальского района Республики Бурятия в контексте создания ОЭЗ ТРТ «Байкальская Гавань» // География в школе. 2015. Т. 5. С. 21–25.

Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Инвестиции и экономическое развитие: сравнительный анализ для регионов России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 8. С. 101–111. doi: [10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111](https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111).

Глазырина И. П., Фалейчик Л. М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов» // ЭКО. 2019. № 5. С. 48–65. doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65).

Ефременко В. Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2019. Т. 2. № 536. С. 56–73. doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-2-56-73>.

Захарова Т. В. Зеленая экономика и устойчивое развитие России: противоречия и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2(30). С. 116–126. doi: [10.17223/19988648/30/11](https://doi.org/10.17223/19988648/30/11).

Кормишкина Л. А. О проблемах и перспективах изменения качества экономического роста в современной России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 9(57). С. 4–18.

Матюгина Э. Г., Пожарницкая О. В., Боярко Г. Ю., Вусович О. В. Участие компаний цветной металлургии в развитии территорий присутствия // Цветные металлы. 2017. № 12. С. 11–20. doi: [10.17580/tsm.2017.12.02](https://doi.org/10.17580/tsm.2017.12.02).

Матюшок В. М., Балашова С. А. Эндеогенный экономический рост как условие модернизации экономики России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2010. № 2. С. 5–14.

Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Стратегия устойчивого развития и переход к зеленой экономике: обновление приоритетов и механизмов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 4. С. 35–54.

Черенев А. А., Дашилов Ц. Б. Бодайбинский и Мамско-Чуйский районы Иркутской области: социально-экономический анализ // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. Т. 6. № 101. С. 297–303.

Черешнев В. А., Никулина Н. Л., Боярских А. И. Эволюция исследований: от устойчивого развития к «зеленой» экономике // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 8(111). 133–143.

Шворина К. В. Миграционная подвижность населения Забайкальского края как показатель развития территории // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4. № 14. С. 310–318.

Syssoeva N. M., Dets I. A. State strategic planning and spatial development in the Siberian regions // Quaestiones geographicae. 2011. № 30(2). Pp. 71–81. doi: 10.2478/v10117-011-0019-8.

Статья поступила 20.05.2019.

Для цитирования: *Дец И. А.* «Переезд» на Дальний Восток – возможность качественного роста для Забайкалья? // ЭКО. 2019. № 7. С. 8–21. DOI: 10.30680/ЕССО0131-7652-2019-7-8-21

Summary

Dets, I.A., Cand. Sci. (Geography), V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk

Is “Moving” to the Far East an Opportunity for Qualitative Growth for Transbaikalia?

Abstract. The article deals with the socio-economic development of the Baikal region, in the context of transfer of Zabaikalsky Krai and the Republic of Buryatia to the Far East Federal district. We analyze the indicator of investment in fixed capital in recent years, as well as implementation of major investment projects in the regions, discussing the launch of mining and processing plants Udokan and Bystrinsky, which are most important for the economy of the Zabaikalsky Krai. The results of our study show weak impact of the projects under implementation on the overall socio-economic development of the territory in the future. The contribution of such investments to improving the quality of life of the local population is also minimal while the impact on migration trends is almost non-existent. We conclude that it is necessary to introduce additional measures to stimulate development of the Trans-Baikal regions, without which distribution of territories in the far Eastern Federal district will have little impact.

Keywords: *investment in fixed capital; large investment projects; socio-economic growth; depopulation; Baikal region; Transbaikalia; Irkutsk region; Republic of Buryatia; Zabaikalsky Krai*

References

- Adamchuk, O., Beloglazova, D. (2017). The bridge to Sakhalin will be the construction of the next decade. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/09/08/732910-most-sahalin> (accessed 25.03.2019). (In Russ.).
- Baranov, A. O., Dondokov, Z. B.-D., Pavlov, V. N., Suslov, V. I. (2018). Prospects for the Development of the Economy of the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 10 (532). Pp. 77–96. (In Russ.). doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-10-77-96>.
- Bezrukov, L. A. (2019). Territorial Structure of the Economy and Population of the Baikal Region: Features, Trends and Prospects. *ECO*. No. 5. Pp. 8–26. (In Russ.). doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26).
- Vorobyev, N. V., Zabortseva, T. I., Leshchenko, Ya. A., Valeeva, O. V. (2016). Socio-economic aspects shaping quality of life in the Baikal region. *Geografiia i prirodnye resursy*. No. S6. Pp. 108–112. (In Russ.). doi: [10.21782/GIPRO206-1619-2016-6\(108-112\)](https://doi.org/10.21782/GIPRO206-1619-2016-6(108-112)).
- Vorobyevskaia, E. L., Margolina, I. L., Sedova, N. B. (2015). Problems and prospects of development of the Pribaykalsky area of the Republic of Buryatia in the context of creation of OЕZ TRT “Baikal Harbour”. *Geografiia v shkole*. No. 5. Pp. 21–25. (In Russ.).
- Glazyrina, I. P., Faleychik, A. A., Faleychik, L. M. (2018). Investment and economic development: comparative analysis for Russian regions. *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 24. No 8. Pp. 101–111. (In Russ.). doi: [10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111](https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111).
- Glazyrina, I. P., Faleychik, L. M. (2019). Revisiting the Question of Preserving Human Capital in the East of Russia: the Life of a Teacher and a Doctor after the «May Decrees». *ECO*. No. 5. Pp. 48–65. (In Russ.). doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65).
- Efremenko, V. F. (2019). Regional innovation system as an instrument of advanced social-economic development of the Russian Far East. *ECO*. Vol. 2. No. 536. Pp. 56–73. (In Russ.). doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-2-56-73>.
- Zakharova, T. V. (2015). Green economy and sustainable development of Russia: contradictions and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Tomsk State University Journal of Economics*. No. 2(30). Pp. 116–126. (In Russ.). doi: [10.17223/19988648/30/11](https://doi.org/10.17223/19988648/30/11).
- Kormishkina, L. A. (2013). Problems and prospects of changes in the quality of economic growth in modern Russia. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. No. 9(57). Pp. 4–18. (In Russ.).
- Matugina, E. G., Pozharnitskaia, O. V., Boiarko, G. Yu., Vusovich, O. V. (2017). The participation of the companies of ferrous metallurgy in the development of regions of presence. *Tsvetnye metally*. No. 12. Pp. 11–20. (In Russ.). doi: [10.17580/tsm.2017.12.02](https://doi.org/10.17580/tsm.2017.12.02).
- Matushok, V. M., Balashova, S. A. (2010). Endogenous economic growth as a condition of modernization of Russia's economy. *RUDN Journal of Economics*. No. 2. Pp. 5–14. (In Russ.).

Pakhomova, N. V., Richter, K. K., Malyshkov, G. B. (2013). Sustainable development strategy and transition to the green economy: modernization of priorities and rules. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. St Petersburg University Journal of Economic Studies*. No. 4. Pp. 35–54. (In Russ.).

Cherenev, A.A., Dashpilov, Ts.B. (2015). Bodaibinsky and Mamsko-Chuysky districts of the Irkutsk region: socio-economic analysis. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Vol. 6. No. 101. Pp. 297–303. (In Russ.).

Chereshnev, V.A., Nikulina, N.L., Boiarskih, A.I. (2014). Evolution of research: from sustainable development to “green” economy. *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. No.8(111). Pp. 133–143. (In Russ.).

Shvorina, K. V. (2018). Migration mobility of the population of the Transbaikal territory as an index of development of the territory. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*. Vol. 4. No. 14. Pp. 310–318. (In Russ.)

Syssoeva, N.M., Dets, I.A. (2011). State strategic planning and spatial development in the Siberian regions. *Quaestiones geographicae*. No. 30(2). Pp. 71–81. doi: 10.2478/v10117-011-0019-8.

For citation: Dets, I.A. (2019). Is “Moving” to the Far East an opportunity for qualitative growth for Transbaikalia? *ECO*. No. 7. Pp. 8-21. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-8-21